

А. Н. СЕРОВ

«Роберт» Скриба и Мейербера.

Статья Франца Листа

(Примечание)

Поэтический гений, решившийся пополнить пробелы оперной музыки, — Рихард Вагнер. Я сказал уже, что Лист и по дружбе, и по родству направления очень ослеплен насчет Вагнера, который в последнее время играет значительную роль в германской музыкальной литературе. Стремления этого человека, замечательного во всяком случае, так обширны, тройственная его деятельность как теоретика, как автора текстов для своих опер и как композитора возбуждает такую жаркую, нескончаемую полемику в Германии, приводит в движение столько перьев, что обо всем этом никак нельзя дать понятия нашим читателям в одном коротеньком примечании. Наша публика еще вовсе не знает о предмете, который повторяет в наше время знаменитую в летописях музыки войну глюкистов и пиччиннистов, ничего или почти ничего не слыхала о вопросе, который волнует всю учено-музыкальную Германию: о *вагнеровском* вопросе, die Wagnerfrage. Если б собрать все, что уже написано в пользу Вагнера и против него, вышла бы порядочная библиотека (вы знаете, как немцы ретивы писать, философствовать, особенно о самых туманных предметах). Обещая читателям отдельную статью (или даже и не одну) о Вагнере, где постараюсь изложить все главные пункты полемики, все теории Вагнера в главных чертах и дать по возможности верную идею о нем как о музыканте, здесь скажу о нем в самых немногих словах.

Сознавая недостаточность всех существующих опер то с одной, то с другой стороны (да и найдется ли такая, что вовсе бы не хромала?), Вагнер задумал коренную реформу драматической музыки.

Он хочет ее сблизить с текстом донельзя, еще гораздо больше, чем, например, в операх Глюка, то есть чтобы в опере никак не слушали музыку, а слушали драму, музыкально выраженную. Идеалом для него мелькает древнегреческая трагедия, где сливались все искусства. И сообразно этому он строит целую утопию «будущего искусства» («das Kunstwerk der Zukunft»), когда не будет больше ни живописи, ни скульптуры, ни зодчества, ни поэзии, ни музыки отдельными искусствами, а все они сольются в исключительное служение драме. Но так как до осуществления этого идеала, и по мнению самого Вагнера, еще «долга песня», то он, ad interim (на данное время), стремится по возможности исправить недостаточность существующей оперной музыки, сам сочиняя оперы, во многом будто бы поближе подходящие к окончательному слиянию искусств. В теориях его, конечно несбыточных в существе, проглядывает много и правды, по крайней мере стремления его проникнуты восторженною любовью к искусству и к человечеству (до самых чудовищных, впрочем, преувеличений фанатизма). Что же касается до его опер, то в них видно несомненное дарование, но везде огромность намерения, претензия, в постоянной борьбе с бессилием автора как художника, с преодолением технической стороны дела. Слишком часто эти оперы вместо образцовых творений, какими они кажутся на глаза Листа и других вагнеристов, представляются насильственным, вымученным произведением очень даровитого, но недоучившегося дилетанта. Общее впечатление его музыки — несносная скука и какое-то мучительное чувство «неудовлетворения». Кто из читателей хорошо знаком с оперой Вебера «Эврианта» (никогда не имевшей большого успеха от не совсем ловкого перевеса драматичности над собственно музыкальностью)¹, получит самое верное понятие о музыке Вагнера (в двух главных его операх: «Tannhäuser» и «Lohengrin»), если представить себе карикатурное преувеличение стиля «Эврианты». Подробнее в своем месте.